

Трудно определенно объяснить, почему я попросил о встрече Веронику Долину. Слышу я песни в ее исполнении, естественно, давно. Не могу сказать, что их содержание затрагивает круг моих интересов. И пол у меня не тот, да и возраст — тоже.

И все-таки я всегда внимательно вслушиваюсь в то, что и как она поет. Я верю переживаниям, о которых она поет, и мне интересно слушать, как она поет! Что в ней главное — поэт, композитор, исполнитель? Пожалуй, все-таки исполнитель, поскольку в этом окончательный итог всего.

Видимо, как я понимаю, мне захотелось поговорить с человеком, который великолепно владеет своим дарованием.

А еще мне захотелось поговорить просто с интеллигентным человеком. Эти слова настолько не сочетаемы с людьми, которые нынче поют с эстрады, что мое любопытство объяснимо.

Думаю, и читателям будет интересно принять участие в беседе с человеком не просто умным, но и мыслящим, не просто интеллигентным, но и глубоко нравственным так.

— Я совершенно оглушен и ошеломлен тем, что нынче прочно обосновалось на эстраде в качестве пения.

— Вы напрасно столь впечатлительно на это реагируете. Обыкновенные эстрадные артисты, но новой формации. Они выходят на сцену, чтобы развлекать и услаждать определенную публику. Раз есть такая публика, то есть и такие артисты. Впрочем, и наоборот. Я не склонна развлекать и услаждать, но в принципе допускаю, что это дело хорошее.

— Это же чертовски низко по культуре.

— Увеселителей и усладителей это испокон веков мало волновало. Каждый развлекает, как может. Не испытывая чувства неловкости.

— Но такие интеллигентные артистки, как вы, как Елена Камбурова, хочешь не хочешь, находятся, если так можно выразиться, в этой же ауре. Подмости как бы одни и те же.

— Отнюдь! И аура не общая, и подмости даже в буквальном смысле разные.

Да и менее нервно, чем вы, я отношусь к тем, кого вы имеете в виду. Я их иногда в силу понятных причин вынуждена наблюдать. Но они для меня как бы в другом измерении. Мне до них дела нет, как и им, впрочем, до меня.

Но надо сказать, даже издали я разглядываю их с некоторой опаской. Судя по тому, как они ведут себя на сцене, они, видимо, и в жизни агрессивны. Даже вроде бы миловидная попса. Мне лично такая манера кажется оскорбительной для зрителей. Конечно, их право самовыражаться, как они могут. Так же, как у зри-

Вероника Долина:

Я НЕ СКЛОННА РАЗВЛЕКАТЬ И УСЛАЖДАТЬ

телей право внимать им или не внимать.

— Я думаю, что виновато и само Время. Само Время их произвело и призвало. Все-таки не хочется думать, что лет двести назад на подмостках царил такая безвкусная распущенность.

— Да как сказать. Мне-то кажется, что такое было всегда. Думаю, и в чопорном средневековье какие-то менестрели распевали нечто непотребное. Ну и нынешние кувыркаются. Я смотрю на них скорее с юмором.

— Ну уж насчет юмора — там полное отсутствие. Даже как-то за них неудобно. Вы обратили внимание, что эти полуголые, не играющие оттенками ума парни какие-то очень напыщенные, даже важные.

— Вот видите, оказывается, и вы к ним с юмором относитесь. К ним же просто невозможно пуристки относиться, сам будешь смешно выглядеть. Конечно, к моим внутренним ценностям они не имеют отношения. Они как бы культура бескультурья. У них и аудитория соответственная. Впрочем, я не хотела бы говорить, чего не хотела бы говорить.

— Но ведь вы тоже эстрада. И они — тоже эстрада. Очень уж несовместимое сочетание.

— Не драматизируйте. И они — эстрада, и я — эстрада, но камерная, и, не хочу никого обидеть, культурная. Я думаю, то, что я делаю, ближе к литературе, чем к музыке или пению.

У меня уже почти 20-летний опыт того, чем я занимаюсь. Опыт, как в этой непредугадываемой стране писать, петь, кормить семью. Надеюсь, мой голос не самый жалобный в хоре голосов — не только на сцене, но и в жизни. Я довольно устойчивая личность.

— Видимо, это объясняется талантом и притом довольно многомерным.

— Благодарю вас, но это несколько расплывчато звучит. Устойчивость зависит от многого — искренней преданности своему делу, житейского опыта, отношений со зрителями.

— У меня странное ощущение от вас на сцене. С одной стороны, вы держите публику как бы на расстоянии, с другой стороны, вы поразительно с ней откровенны.

— Ну вы ведь скептически

отнесетесь, если я скажу, что публика — первый друг, неизменный, верный. Я очень нежно отношусь к залу. Я, признаюсь, им избалована, я не знала неуспеха, даже холода со стороны публики. А я ведь объездила всю страну, бог весть в каких только совхозах, на каких только заводах ни побывала. И дояркам среди коров пела, и в каких-то кузнечных мастерских в обеденный перерыв.

— Что, вы так уж и не стеснялись со случайной публикой!

— То есть с аудиторией, которая меня не то что первый раз видит, а вообще первый раз обо мне слышит? Да сколько угодно! Я отнюдь не заблуждаюсь на счет своей безмерной популярности. Я ведь никогда не знала, что такое реклама. Афиши у меня, конечно, есть, а рекламы никакой никогда не было.

— Ну, и как с «неподготовленным» залом!

— Труднее, конечно. Из полтора часов программы минут тридцать уходит на то, чтобы преодолеть, вернее, овладеть пониманием, доверием собравшихся. А расстаемся друзьями. Поверьте, я не хвастаюсь. Я же вижу — люди расходятся по домам какие-то, что ли, изменившиеся.

— Однако такие взаимоотношения как-то не вяжутся с

сандр Кушнер. Причем такое отношение распространялось даже на откровенно восхитительных Булата Окуджаву и Новеллу Матвееву.

— Ну, они-то как раз и порушили «ледок».

— Время порушило, культура порушила, сама потребность у людей в искреннем, доверительном слове. Время кое-что переставило. Да и сейчас, мне кажется, некоторые «перестановки» происходят. Например, я же вижу, как мои коллеги-сверстники из стиля «рок» возвратились со стадионов в нормальные залы. Дело не только в сложностях «кассовой политики», но и в том, что их потянуло от рева толпы к восприятию людей.

— Вы себя считаете певцей!

— Ну, зачем уж так-то ставить вопрос? Я явно не Тамара Синявская или Алла Пугачева. То, что я делаю, это ближе к поэзии, чем к пению. Я пытаюсь донести стихи до публики во внятной манере. Эта общедоступность, доверительность согревает людей. Да, это, скорее, ближе к поэтическому общению. Конечно, я иду на риск. Ведь многие люди приходят просто на концерт, а их встречает нечто неожиданное. Приходится с ними «бороться» за них же. Нормальный зритель на доверительность отвечает доверительностью.

Нет, конечно, можно петь и за Окуджаву, и за Галича, и за Новеллу Матвееву. Хотя как петь за Новеллу Матвееву, я просто не представляю.

— А когда у вас все это «началось»!

— Да ничего интересного. Лет в пятнадцать появилась какая-то склонность и доверчивость к мелодийкам. Потом возникла потребность в стихах к этим мелодиям. Тут еще услышала Окуджаву, Матвееву. Я ушла от «просто стихов» к «стихам с музыкой».

— Я читал вашу последнюю книгу стихов «Невинград». Они вполне могут существовать и без музыки.

Я понимаю. Но я как-то сроднилась именно с этим. Мне в таком сочетании хорошо.

Но сознательное отношение пришло годам к тридцати — надо писать больше, надо писать лучше, не останавливаясь, а то забуксуешь.

— То есть до тридцати лет — как бы в удовольствии, а после тридцати — как бы работа!

— Ну что же, примем этот ваш каламбур. В нем есть доля суровой истины. Но, видите ли, работа-то и стала удовольствием. Просто на другом уровне, в другом качестве.

— Вы много выступаете за границей. Буквально на днях вот уже в который раз уезжаете в США. Если не говорить о долларовом прибытке и наслаждении посмотреть мир, что это вам дает!

— Понимаете, когда я куда-то приезжаю, я стараюсь не быть просто артисткой, а жить той жизнью. Это очень важно. Я словно живу еще одну жизнь.

— Вам не кажется, что петь сегодняшним эмигрантам — это всего лишь то же самое, что петь им же несколько лет назад, но здесь!

— Это отнюдь не так. Впервые, я там пою вовсе не только для эмигрантов. И, надо сказать, «аборигены» меня очень неплохо принимают — и вовсе не в порядке «экзотики оттуда».

Но вы спросили про эмигрантов. У нас сложился стереотип эмигранта, который обливается слезами, видит и слышит певца из своей «недавней жизни». Уверю вас, это далеко не всегда так. Многие эмигранты как раз стараются избавиться от воспоминаний о той своей жизни, стараются вычеркнуть это из памяти, чтобы легче и проще было жить «там». А тут вдруг я, живой, теребящая память представитель того мира. Они поначалу меня не очень охотно принимают, приходится «побеждать» их заново.

— Ну, а как нынче живется! Я о стране.

— Ну что лично я могу поделать? Сначала очень горячо во всем принимала участие. Сейчас уже подступили холодные воспоминания. Живу патриархальными занятиями — люблю семью, читаю книги. Я всегда хотела, чтобы у меня была большая семья, чтобы рядом были мои дети.

Как вы понимаете, я не претендую на оригинальность, так было во все века. Отступление от этого — трагедия. Я и песни свои напитываю вечными, общедоступными мыслями и чувствами.

Представляете, работаю для вечности... Знаете, без юмора, а особенно без самоиронии все-таки можно сойти с ума в наше угрюмое время.

— А как насчет самовосторгов от знаменитой Вероники Долиной!

— О чем вы говорите! Мне уже памятник стоит!

— Давно пора!

— Нет, серьезно! В Витебске поставили памятник Марку Шагалу. А сбоку у него надпись — «посвящается Веронике Долиной».

— Я понимаю, хоть и гвоздем нацарапано, а приятно.

— Вы не поняли. Гвоздь тут ни при чем. Эту надпись сделал сам автор памятника, сделал ее в самой отливке монумента. И что это значит, я не знаю.

— То есть у вас с Марком Шагалом как бы «памятник на двоих»!

— Меня невозможно успокаивает то, что все-таки песни я пишу лучше, чем великий Марк Шагал. А он зато рисует лучше меня.

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ.